

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССХХХ.

1900.

І Ю Л Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „В. С. Балашевъ и К^о“. Наб. Фонтанки, 95.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	3
II. Высочайшія награды	23
III. Высочайшіе приказы	30
IV. Мѣнстерскія распоряженія	52
V. Опредѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	63
VI. Опредѣленія Особаго отдѣла Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр.	71
VII. Опредѣленія Отдѣленія Ученаго Комитета Мин. Нар. Пр. по техническому и профессиональному образованію	80
Открытіе училищъ	83
Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія	83
N. В. Шляковъ. О поученіи Владиміра Мономаха. III (окончаніе)	1
I'. В. Форстонъ. Къ внѣшней политикѣ великаго курфюрста Фридриха Вильгельма Бранденбургскаго (продолженіе)	22
II. Н. Ардашевъ. Провинціальная администрація во Франціи въ последнюю пору стараго порядка. Глава VI (продол- женіе)	59
E. Н. Щенкинъ. Русско-австрійскій союзъ во время семилѣтней войны. Глава II (продолженіе)	79
A. M. Ону. Наказы третьяго осоловіа во Франціи въ 1789 году. Глава третья (продолженіе)	105
B. A. Францевъ. Къ исторіи изданій Реймоваго Евангелія	126

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Θ. Ф. Зѣлнскій. <i>И. М. Грессъ</i> . Очерки изъ исторіи римскаго зем- левладѣнія (преимущественно во время имперіи). Томъ I. С.-Пб. 1899	156
II. И. Лапшинъ. <i>С. Л. Кулюкинъ</i> . Законы мышленія съ психологи- ческой точки зрѣнія. Харьковъ. 1899	173
III. В. Безобразовъ. <i>W. Regel</i> . <i>Χριστοφουλλὰ καὶ ἱεράματα τῆς μονῆς</i> τοῦ Βατολεαίου. Πετροῦπόλεως. 1898	179
A. И. Соболевскій. Тѣник Хиландарски и ѡегов грчки извор. <i>В. Јанић</i> . Београд. 1899	185
— Книжныя новости	187

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

A. A. Пильнесъ. Элементарная грамматика русскаго языка	1
II. H. Стефановскій. Учебный курсъ теоріи словесности	3
III. Протопоповъ. Очерки по исторіи древне-русской письменности	6
I. Choodnovsky. English Grammar, Letters, Prose and Poetry for Rus- sian Schools.	7
II. П. Матченко. Учебникъ географіи Россійской Имперіи	8

(См. 3-ю стр. обложки).

КЪ ИСТОРИИ ИЗДАНИЙ РЕЙМСКАГО ЕВАНГЕЛІЯ ¹⁾

(По поводу изданія проф. Louis Leger: „L'Évangéliste slave de Reims, dit Texte du Sacre“. Reims-Prague. 1899).

Реймское Евангеліе, наконецъ, вышло въ такомъ изданіи, какого давно уже ожидалъ ученый міръ славяновѣдovъ. Заслуга въ осуществленіи этого прекраснаго изданія принадлежитъ парижскому профессору Луи Леже. Всѣ прежніе опыты изданія драгоценнаго Реймскаго кодекса сдѣлались съ новымъ изданіемъ проф. Леже достояніемъ исторіи. Объ этихъ попыткахъ мы и намѣрены сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Конецъ тридцатыхъ и сороковыя годы нашего столѣтія принесли длинный рядъ трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію судьбы Реймскаго Евангелія. На долю русскихъ ученыхъ выпала честь перваго извѣстія, сообщеннаго А. И. Тургеневымъ въ 1835 году, о существованіи славянскаго Евангелія въ Реймсѣ, считавшагося со времени революціи погибшимъ, и болѣе точнаго описанія первой части Реймскаго Евангелія, сдѣланнаго С. Строевымъ (въ *Журн. Мин. Нар.*

¹⁾ Матеріаломъ для настоящаго очерка послужили: письма І. Д. Ястржембскаго къ Ганкѣ (незначительныя извлеченія изъ переноски этой были сдѣланы В. Ганкой въ *Časop. Česk. Musea* 1840, p. 187, 1842, p. 150, и въ „*Učrůnský Reimského a Ostromířského Evangelium*“, 1842), затѣмъ—переноска Ганки съ О. М. Бодянскимъ (письма Ганки къ Бодянскому напечатаны въ *Чтеніяхъ въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.*, 1887, книга 2-я; нѣкоторыя письма Бодянскаго къ Ганкѣ напечатаны Е. В. Пятуховъ въ *Ученыхъ Зап. Юрьевскаго унив.*, 1896, № 1) и наконецъ—письма И. М. Мартынова, касающіяся Реймскаго Евангелія, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Значительная часть матеріала, коимъ мы пользовались, до настоящаго времени не была еще издана.

Пр. 1839; ч. XXI и въ „Описаніи Славяно-русскихъ памятниковъ“, 1841)¹⁾.

Послѣ статей Строева и Копитаровыхъ: „Glagolita Clozianus“, а особенно — статьи: „Das wiederentdeckte Krönungsevangelium von Reims“ (1838 г.), написанной подъ впечатлѣніемъ открытія Тургенева, Реймское Евангеліе стало особенно привлекать вниманіе славяновѣдовъ и заинтересовало даже людей, къ славяновѣднію весьма мало причастныхъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ полякъ І. Л. Корвинъ-Ястржембскій, одинъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ глубокой древности кирилловской части Реймскаго Евангелія и одинъ изъ первыхъ, указавшихъ на необходимость полного дипломатическаго изданія этого драгоценнаго памятника. Реймская рукопись сильно заинтересовала Ястржембскаго. Занимаясь въ Парижѣ специально палеографіей и дипломатикой греческой, латинской и французской, онъ былъ мало подготовленъ для занятій славянскими памятниками; къ тому же, какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ изъ писемъ къ Ганкѣ, у него не было для этого рода занятій ни достаточнаго времени, ни необходимыхъ матеріаловъ. Но, увлеченный общимъ вниманіемъ ученаго міра къ Реймскому Евангелію, Ястржембскій съ 1837 г. принимается за изученіе этого памятника и результаты своихъ студій издаетъ въ 1839 г. въ видѣ небольшой: „Notice sur le Texte du Sacre“ (въ Journal Général de l'Instruction Publique, 4 et 7 sept. 1839). Эта статья Ястржембскаго стала тотчасъ же известной и Ганкѣ, коему Ястржембскій препроводилъ ее при письмѣ 30-го

¹⁾ Безъ всякаго основанія возмущался поэтому Копитаръ: „Смѣшно, какъ поляки и русскіе хвастаются теперь открытіемъ, тогда какъ оно принадлежитъ мнѣ, потому что я первый возымѣлъ надежду, что кодексъ, можетъ быть, не сожженъ, и предпринялъ вслѣдствіе того поиски въ Парижѣ и Петербургѣ“. Виларскій, 42—43. Эти слова буквально повторены въ письмѣ Копитара къ Ганкѣ отъ 8-го февраля 1840 г. См. Zbornik, na svetlo daje Slovenska Matica v Ljubljani, I zv., 1899, стр. 202. Ганка все-таки не соглашался съ Копитаромъ и къ этимъ словамъ его сдѣлалъ приписку: „Der Geheime Rath Al. J. Turgenew war der Entdecker Texte du Sacre, obwohl er auf solche Entdeckungen nicht ausgegangen, denn sein Fach war Monumenta rossica in archivis extraneis zu sammeln. Aus Petersburg ist die Nachricht weiter verbreitet und Strojeff und Jastrzëbki gingen das entdeckte zu untersuchen“. L. Leger въ предисловіи къ своему изданію (р. 27) утверждаетъ, что существованіе Реймскаго Евангелія „воскресилъ“ въ 1837 г. Реймскій бібліотекаръ Louis Paris. То же повторыетъ Парижанинъ въ замѣткѣ „Новое изданіе Реймскаго Ев.“ въ „Изв. книжн. маг. М. О. Вольфъ“, январь, 1900 г.

сентября 1839 года ¹⁾. Съ этого времени завязывается у него переписка съ Ганкой.

Рапортъ Ястржембскаго, изучавшаго рукопись по порученію французскаго министра народнаго просвѣщенія Salvandy, былъ только вступительнымъ этюдомъ, посвященнымъ этому памятнику. Ястржембскій собирався приступить къ болѣе основательному изслѣдованію Реймскаго Евангелія, чтобы затѣмъ перейти къ изданію его и къ специальнымъ занятіямъ славянскими рукописями Королевской бібліотеки въ Парижѣ. Неожиданно совершенно мирное теченіе его занятій нарушено было появленіемъ неизвѣстнаго соперника, который, казалось, могъ помѣшать всѣмъ проектамъ молодого палеографа. Какой-то русскій, занимавшійся сначала въ Парижской бібліотекѣ житіемъ св. Симеона ²⁾, отправился затѣмъ въ Реймсъ съ очевидною цѣлью—заняться Реймскимъ Евангеліемъ. Ястржембскій заволновался и свои опасенія спѣшилъ сообщить Ганкѣ. „Повидимому“, говоритъ Ястржембскій (10-го іюля 1840 г.), „онъ намѣренъ издать Реймское Евангеліе“, и свои подозрѣнія Ястржембскій подтверждаетъ тѣмъ, что онъ видѣлъ, какъ этотъ русскій „мучился“ надъ „Glagolitica“ Добровскаго въ Королевской бібліотекѣ, чтобы научиться читать глаголическое письмо,— „каракули“, по выраженію Строева. Это незнакомство его съ глаго-

¹⁾ Письмо это, вмѣстѣ съ извлеченіями изъ статьи Ястржембскаго и дополненіями самого Ганки, помѣщено въ *Sav. Česk. Mus.*, 1840, 187 вѣ. Первое изъ сохранившихся въ оригиналѣ писемъ Ястржембскаго къ Ганкѣ отъ 10-го іюня 1840 г. является уже отвѣтомъ на письмо Ганки по поводу посланнаго ему Ястржембскимъ изъ Парижа своей „Notice“.

²⁾ Копію съ этого житія сдѣлалъ для Шафарика протоіерей русской посольской церкви въ Парижѣ Дм. Вершинскій. Объ этомъ говоритъ самъ Шафарикъ въ письмахъ къ М. П. Погодину. 1-го іюня 1840 г. онъ извѣщалъ Погодина: „Ich schrieb an Protojerej Veršinskij nach Paris und bat um eine Abschrift des Lebens des h. Symeon, welches sie entdeckt haben“; въ іюлѣ 1840 г. этотъ списокъ былъ уже у Шафарика: „Veršinskij schickte mir die Abschrift der Biographie des h. Symeon aus dem Pariser Codex, die sehr interessant ist“. Ср. *Průběh dějinného písemnictví jihoslovánův, v Praze, 1851*, предисл. стр. 111. Ястржембскій въ сентябрѣ 1839 года послалъ facsimile первой страницы этого житія Коштару, съ просьбой сообщить ему, извѣстна ли ему эта рукопись. Но Коштаръ ничего Ястржембскому не отвѣтилъ. Между тѣмъ явился неизвѣстный Ястржембскому русскій, который „списалъ всю рукопись и поручилъ Сильвестру сдѣлать снимокъ первой страницы ея и отослать его протоіереемъ Вершинскому“. Желая предупредить своего русскаго соперника, Ястржембскій посылалъ сообщить facsimile нѣкоторыхъ страницъ Ганкѣ, прося его сдѣлать хоть незначительное упомянаніе объ этомъ кодексѣ въ Часописи Чешскаго Музея.

лицей Ястржембскаго нѣсколько успокаивало: можно было надѣяться, что неожиданно объявившійся соперникъ недалеко уйдетъ при такой скромной подготовкѣ, подобно тому, какъ и Строевъ не могъ опредѣлить глаголической части Реймскаго Евангелія. Какъ оказывалось изъ письма Строева, напечатаннаго въ *Chronique de Champagne*, онъ только въ Берлинѣ, на обратномъ пути въ Россію, впервые узналъ глаголическое письмо ¹⁾).

¹⁾ Строевъ, по выраженію Копптара, оказался, такимъ образомъ, „*nil doctior Petro I imperatore, qui a. 1717, longe dignior indulgentia, eundem errore commiserat*“.. *Prolegom.* въ *Slav. Bibl.* (Миклошича), I, 82. Въ этомъ отношеніи подготовка Ястржембскаго была выше. „Увидѣвши facsimile Реймскаго Евангелія“, говоритъ онъ въ письмѣ къ Ганкѣ, „я тотчасъ же написалъ въ редакцію de la *Chronique*, увѣряя, что вторая часть Реймскаго Евангелія глаголическая, что я читаю ее и понимаю; въ письму я присоединилъ глаголическій алфавитъ. Г. Paris, переводчикъ (??) и издатель французскаго Нестора, съ интересными замѣчаніями объ островѣ Руги на Атлантическомъ океанѣ, отвѣтилъ мнѣ на это болѣе чѣмъ страннымъ образомъ. Конію его письма отъ 4-го октября 1837 года прилагаю... Оба документа (письмо Строева и отвѣтъ Paris) интересны по своему противорѣчію. *Résumé tenéatis*: Paris говоритъ: „*Mr. S. est un érudit*“; Строевъ же какъ бы отрекается отъ этой чести: „*C'est une erreur qui s'est glissée*“... (dans les feuilles de Mr. Paris!).

Приводимъ здѣсь текстъ обоихъ писемъ, какъ они были сообщены Ганкѣ Ястржембскимъ:

I.

Rheims, le 4 octobre 1837.

Le Bibliothécaire-Archiviste.

Monsieur,

Depuis 6 semaines nos vacances m'ayant permis de m'éloigner de Rheims, je n'ai pu avoir communication de vos deux lettres qu'hier seulement. Je suis fort désolé de la mauvaise opinion que le retard de ma réponse vous aura fait concevoir de moi. Je vous supplie de ne pas m'imputer la faute. En mon absence a paru le N° de Septembre de la *Chronique de Champagne* qui contient un nouvel article sur le MNS slavon dont vous vous inquiétez. Cet article, que nous devons à Mr. Stroieff correspondant à Paris du Ministre de l'Instruction publique de Russie achève, avec l'article de notre 1-er N°, de donner tous les détails possibles sur la nature et l'importance de ce MNS. Je ne pourrais y rien ajouter pour votre satisfaction personnelle; si ce n'est que Mr. Stroieff ayant fait une étude spéciale de l'ancien slavon et n'ayant reconnu dans la seconde partie de notre MNS. et de notre fac-simile aucune similitude avec le dialecte en question, il est difficile de supposer, ainsi que vous semblez le croire, que l'alphabet que vous avez eu l'obligeance de m'adresser puisse en donner la clef, et surtout, aider à y faire reconnaître du slavon, ce que n'y ont pas vu les divers érudits, qui se

„Оправдывается то“, какъ бы утѣшалъ себя Ястржембскій, „что сказалъ Альтеръ въ своемъ „Beitrag zur praktischen Diplomatie für Slaven etc.“, p. 154: „...Noch heutiges Tages sind die glagolitischen Charaktere den Russen unbekannt, wenige Russische Gelehrte ausgenommen, die sie in auswärtigen Ländern kennen lernen“.

Но какъ ни незначительны были силы и средства, съ конии ученые приступали къ этому чрезвычайно важному памятнику, недалекое будущее принесло обильные, хотя и не одинаковаго достоинства плоды.

„Нашъ Texte du Sacre“, писалъ Ястржембскій (10-го июля 1840 года) Ганкѣ, „возбудилъ, какъ я вижу, общественное вниманіе. Одни пишутъ изъ Праги сюда мои знакомыя, чтобы они копию этой

sont occupés de cette question. — Si j'avais été à Rheims lors de la publication de l'article de Mr. Stroieff, j'eusse signalé cependant votre opinion et l'envoi que Vous nous avez fait. Aujourd'hui il est trop tard, je me contentai de joindre au manuscrit même votre lettre et l'alphabet en question...

(signé)

Louis Paris.

II.

Copie de la lettre de M. Stroiew (Chronique de Champagne, Tome 3-e, 2-e année, p. 59).

Berlin, le 5-X-bre 1837.

„Messieurs,

„En arrivant à Berlin, j'ai trouvé la neuvième livraison de Votre Chronique, où Vous êtes la complaisance d'insérer ma lettre concernant le MS. slavon, sur lequel les rois de France prétaient serment à leur sacre.

Il s'est glissé dans ma lettre une grande erreur, que je m'empresse de rectifier ici. La seconde partie de ce MS. est écrite non en langue Orientale, mais en glagolite. Vous savez, Messieurs, que le glagolite, appelé ainsi d'après sa quatrième lettre (glagole), a été le plus répandu en Croatie, en Dalmatie, en Istrie et en Krain. Maintenant il y est remplacé par l'alphabet latin. Mais il fut encore en usage à la fin du XVII siècle, ce que prouve un Missel imprimé vers ce temps, en glagolite.

J'espère, Monsieur, que Vous ne refuserez pas d'insérer dans Votre Chronique ces quelques lignes, ainsi qu'une notice que je me propose de Vous envoyer sur les MS. slaves que j'ai trouvés à la Bibliothèque royale de Paris, si toutefois cela peut intéresser Vous et Vos lecteurs.

Recevez etc.

(signé) Serge Stroieff,

Correspondant du Ministère Russe de l'Instruction Publique.

рукописи прислали Шафарику или Палацкому¹⁾, но я сомнѣваюсь, чтобы эти люди, неопытные въ подобнаго рода дѣлахъ, могли въ самомъ дѣлѣ удовлетворить ихъ желанію. Другіе обращаются къ Левелю за точными свѣдѣніями о той же рукописи, но онъ направляетъ интересующихся ко мнѣ. Изъ Петербурга пишутъ Сильвестру, чтобы онъ послалъ туда нѣсколько экземпляровъ приготовляемаго имъ факсимиле послѣсловія, и вотъ уже въ Реймсѣ отправился какой-то русскій (moskal). Изъ Вѣны Копитаръ не перестаетъ писать своему пріятелю Сильвестру, напоминая ему о Texte du Sacre (кажется, ему очень хочется имѣть или копію, или facsimile всей рукописи). Словомъ, отовсюду идутъ запросы и вопросы. Сегодня Сильвестръ читалъ мнѣ послѣднее письмо своего вѣнскаго корреспондента и друга; изъ письма этого я запомнилъ слѣдующія фразы: „On demande par la voie diplomatique la communication ou l'envoi du MS. de Reims à Prague, pour en faire une *caricature*; on s'en occupe partout; et vous permettez, que les Bohêmes et autres se mêlent à ce, qui vous appartient de droit!“ По выраженію *caricature* я догадываюсь, что Копитаръ не особенно полагается на способности пражскихъ литографовъ!²⁾ наивно комментируетъ Ястржембскій достаточно прозрачную рѣзкую фразу Копитара. „Эти слова я привелъ только для васъ“, говоритъ Ястржембскій далѣе, какъ бы, вовсе не подозрѣвая того, что они направлены противъ Ганки, а можетъ быть и противъ самого же Ястржембскаго, задумывавшаго въ союзѣ съ Ганкой и Сильвестромъ изданіе Реймскаго Евангелія. При сношеніяхъ Сильвестра съ Копитаромъ намѣреніе это не могло оставаться тайной. Копитаръ ловко сталъ дѣйствовать противъ союза Сильвестра съ Ястржембскимъ и Ганкой и достигъ своей цѣли.

„Вотъ уже нѣсколько лѣтъ ученые славянисты побуждаютъ меня

¹⁾ Сообщение Ястржембскаго опровергаетъ Шафарикъ въ письмѣ къ Ганкѣ отъ 22-го іюля 1840 г.: „...ani já, ani p. Palaský o přepisy a výpisy Rukop. toho do Paříže jsme nepřáli žádnému, očekávající na následek zakročení učené společnosti v této věci: co tedy p. Jastržebaki připomíná, že tam pro nás zprawy a přepisy chtějí míti, pochází z nějakého nedorozumění. Ačkoli pak já toho domněni jsem, žeby Rukopis ten zde mnohem snáze nežli jinde vydán byti mohl, ješto již učená společnost náklad na to povolila; v Paříži pak žádný nákladu na to nepovede, a cestou předplacení to též nepřijde (za 100 fr. se v Rakousku 5 exx. neprodá); však nic méně na tom nic nezáleží, kde a od koho Rkp. ten se vydá, jen kdyby brzo a dobře vydán byl“.

издать Реймское Евангеліе“), писалъ Сильвестръ въ Петербургъ Киселеву, 21-го мая 1841 года ¹⁾).

„Копитаръ сообщилъ мнѣ, что дипломатія ходатайствовала передъ французскимъ правительствомъ о высылкѣ этой драгоценной рукописи. но въ то же самое время я узналъ, что г. Реймсъ отвергъ предложенія двухъ нашихъ министровъ народнаго просвѣщенія“. Спустя нѣкоторое время Копитаръ сообщаетъ Сильвестру новую тревожную вѣсть, что Прага ассигновала необходимыя средства для отправки въ Реймсъ каллиграфа, который скопировалъ бы *Texte du Sacre*. Это извѣстіе заставило Сильвестра поспѣшить съ исполненіемъ своего проекта.

Намѣренія Копитара все еще ни для Сильвестра, ни для Ястржембскаго не были ясны. Ястржембскому казалось даже, что рѣзкое выраженіе (*caricature*) Копитара о „пражскихъ литографахъ“ имѣло тоже цѣлью тѣмъ сильнѣй побудить Сильвестра сдѣлать *facsimile* всей рукописи. „Въ самомъ дѣлѣ“, оправдывалъ Ястржембскій оригинальный приемъ Копитара, „для публики было бы чрезвычайно выгодно имѣть вѣрную копию этого кодекса. Сильвестръ говорилъ мнѣ, что онъ принялся бы за дѣло за 12-ть тысячъ франковъ; онъ готовъ даже взять на себя издержки по изданію, если ему обезпечены будутъ 150 вѣрныхъ подписчиковъ по 100 фр. Я видѣлъ по немъ, что онъ искренно готовъ бы сдѣлать это; и даже больше: онъ проговорился, что рассчитывать на полученіе рукописи въ Прагу путемъ дипломатическимъ не слѣдуетъ, ибо онъ имѣетъ намѣреніе выписать ее въ Парижъ; ему уже обѣщано, что при этомъ онъ не встрѣтитъ никакихъ затрудненій. Мнѣ онъ предложилъ даже написать соответствующее разсужденіе объ этой рукописи, уступая мнѣ, въ видѣ вознагражденія, всѣхъ подписчиковъ свыше первыхъ ста пятидесяти. Я, пожалуй, не отвергъ бы этого предложенія, но болѣе желательнымъ и болѣе полезнымъ для общества было бы, если бы вы сами занялись обработкой пролегоменъ, предоставивши мнѣ только части палеографическую и дипломатическую.

Если бы это мое предложеніе оказалось для васъ подходящимъ, тогда я убѣдительнѣйше просилъ бы васъ поскорѣй увѣдомить меня: 1) могу ли напечатать проспектъ объ этомъ изданіи, упомянувъ о вашемъ участіи въ немъ? 2) въ какихъ выраженіяхъ сдѣлать это упоминаніе о вашей личности? 3) не захотите ли вы сдѣлать личное

¹⁾ L. Leger, p. 28—29.

патріотическое воззваніе къ чехамъ и мораванамъ, приглашающее ихъ къ подпискѣ? и въ 4) на сколько, болѣе или менѣе, подписчиковъ можно бы у васъ рассчитывать? Надо имѣть въ виду не только покрытіе издержекъ по изданію, но и извѣстное вознагражденіе за трудъ авторамъ разсужденій“.

Таковъ былъ общій планъ Сильвестра и Ястржембскаго. Однако Ястржембскій, повидимому, не особенно рассчитывалъ на успѣхъ своего предложенія, ибо въ концѣ этого же письма онъ общается прислать Ганкѣ копию всей кирилловской части Реймскаго Евангелія, если онъ даже и не захочетъ содѣйствовать задуманному Сильвестромъ изданію своей зрудицей.

Къ 1841 году дѣло окончательно выяснилось. Ганка на предложеніе Ястржембскаго, очевидно, не согласился, и проектъ задуманнаго соединенными силами изданія рухнулъ. Сильвестръ, однако, не покидалъ мысли издать Реймское Евангеліе цѣликомъ. Въ 1841 году онъ опубликовалъ нѣсколько страницъ текста Реймскаго Евангелія въ своей „Paléographie Universelle“ и, подъ влияніемъ убѣжденій „ученыхъ славянистовъ“ издать Реймское Евангеліе и сношеній съ Конитаромъ, рѣшилъ продолжать начатое копированіе текста Реймскаго Евангелія. Зная о томъ живѣйшемъ интересѣ, съ какимъ относились въ Россіи къ Реймскому Евангелію, Сильвестръ не ошибся въ своихъ расчетахъ на поддержку отсюда ¹⁾).

Сильвестръ работалъ надъ копіей свыше года и воспроизвелъ, по собственному признанію, эту драгоценную рукопись во всѣхъ ея деталяхъ съ необычайною точностью.

Когда Ястржембскій, обѣщавшій доставить Ганкѣ копию всей кирилловской части, обратился къ Сильвестру съ просьбой позволить ему воспользоваться его кальками, ибо къ оригиналу, какъ мы замѣтили выше, доступъ былъ закрытъ, Сильвестръ сообщилъ ему снимки только нѣкоторыхъ страницъ (4, 5, 8, 10, 11 и 13-ой), а отъ дальнѣйшихъ сообщеній отказался, такъ какъ, по его увѣренію, онъ долженъ былъ выслать всю свою работу въ Вѣну, гдѣ имѣли въ виду заняться историческимъ разсужденіемъ о Реймской рукописи.

¹⁾ Интересенъ фактъ, что Сильвестръ обращался за поддержкой къ гр. А. Демидову, но онъ ему отказалъ. Славянскіе вопросы занимали Демидова: онъ былъ въ перепискѣ съ Ганкой, Риттерсбергомъ и др. Сильвестръ, очевидно, былъ направленъ кѣмъ-то на этотъ путь. Неудача заставила его обратиться въ иную сторону. „Er will sich nun, wie ich höre“, писалъ Шафарикъ Погодину 9 марта 1841 г., „weiter nach Russland wenden, an grosse, grössere und grössten Herrn“.

О предполагавшемся изданіи былъ приготовленъ даже проспектъ на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾).

Однако полное изданіе Реймскаго Евангелія Сильвестра долго не появлялось въ свѣтъ. Ястржембскій вскорѣ узналъ, что Реймская рукопись не только не обнародована, но еще и не литографирована, что Сильвестръ ограничился снятіемъ копій (facsimile), составилъ изъ нея книгу, совершенно подобную Реймскому Евангелію, роскошно переплелъ ее и поднесъ Императору Николаю I. Тогда Ястржембскій рѣшилъ сообщить любителямъ славянской письменности при посредствѣ Часописи Чешскаго Музея хоть ту незначительную часть копій Реймскаго Евангелія, которая была имъ провѣрена, и сообщенные имъ отрывки были напечатаны Ганкой подъ заглавіемъ: „Wypisky Remešského a Ostromírského Ewangellium (Wypatek ze Spisú král. české Společn. věd, 1842). Къ письму своему отъ 12 сент. 1841 года Ястржембскій въ оправданіе неисполненія имъ даннаго Ганкѣ обѣщанія доставить копию всей кирилловской части приложилъ отвѣтъ Реймскаго библиотекаря Paris, сообщающій нѣкоторыя подробности выдачи Реймскаго Евангелія Сильвестру.

Изъ этого отвѣта Ястржембскій узналъ, что библиотекарь Paris не могъ приготовить для него копию всей рукописи, о чемъ Ястржембскій его просилъ, такъ какъ мэръ г. Реймса рѣшилъ отдать предпочтеніе своему соотечественнику Сильвестру, палеографическія ²⁾ работы котораго приносятъ честь странѣ. Въ этомъ отношеніи сдѣлано было отступленіе отъ правилъ библиотеки, запрещающихъ вообще снятіе калекъ. Такъ какъ рукопись вся, отъ начала до конца,

¹⁾ Объ этомъ планѣ Конитара и Сильвестра Шафарикъ писалъ 5 янв. 1841 г. Погодину: „Silvestre in Paris hat nun den Plan, den Rheinſer Codex im Verein mit Kappra (dem Wiener) herauszugeben, halb ins Werk gesetzt. Das Facsimile ist auf dem Papier fertig und soll zum Graveur wandern. Kappra wird eine Einleitung, Uebersetzung (lat.) und Commentar dazu machen. Wollen 1000 Eux. à 100 fr. drucken und absetzen und den Ertrag von 100.000 fr. unter sich gleich theilen. Kappra wollte schon nach Paris reisen, allein die grosse Kälte hielt ihn zurück. Im Frühling soll alles zu Stande kommen“. Осторожный и сдержанный Шафарикъ чувствовалъ, что сообщеніе его кое въ чемъ, несомнѣнно, неточно, и потому съшить оговориться: „Ich theile Ihnen mit, wie mir die Sache berichtet wurde“. О намѣреніи Конитара отправиться въ Парижъ для изданія полнаго facsimile съ Реймскаго Евангелія писалъ почти въ то же время (12-го января) Префсъ М. С. Курортъ. По мнѣнію Префса, такое изданіе—„роскошь бесполезная“.

²⁾ Ястржембскій иронически замѣтилъ въ припискѣ къ этому мѣсту: „развѣ каллиграфическія“?

была уже скопирована, то, конечно, работа Ястржембскаго была бы на этотъ разъ излишня.

„Я думаю, что эти факты относятся къ исторіи нашей рукописи“, заключалъ свое письмо Ястржембскій. Огорченіе его было непритворное. Но и послѣ такой неудачи Ястржембскій не покидаетъ мысли издать Реймское Евангеліе какъ-нибудь безъ союзниковъ. Оно все болѣе и болѣе захватываетъ его интересъ. Послѣ того, какъ Копитаръ въ своемъ *Nesuchii Glossogr.* рѣшительно возсталъ противъ мнимой древности Реймскаго Евангелія, Ястржембскій съ особеннымъ увлеченіемъ продолжаетъ изучать его. „Вы не повѣрите“, пишетъ онъ Ганкѣ (13-го сентября 1841 г.), „какъ сильно занимаетъ меня нашъ *Texte du Sacre*, особенно съ того времени, какъ сказано было:... *sed utrumque esse sec. XIV, ante jam diximus, quam... subscriptionem vidissemus*“. „Я не соглашаюсь на XIV в.“, рѣшительно возстаетъ онъ противъ мнѣнія Копитара. „Кирилловская часть если не относится къ временамъ Св. Прокопа, или къ XII ст. (говорю о самомъ письмѣ), тогда, по крайней мѣрѣ, къ столѣтію XIII-ому. Но Копитаръ никогда на это не согласится, ибо тутъ дѣло касается его палеографической репутаціи. Онъ не признаетъ также за нашимъ MS моравско-чешскаго или паннонскаго происхожденія, несмотря на то, что между Реймскимъ Евангеліемъ и рукописью Клоца, какъ я вскользь замѣтилъ, есть большое сходство и въ языкѣ и въ правописаніи.

„Я увѣренъ, что вы сами займетесь сообщенными мною выписками; наконецъ, отъ васъ исключительно зависитъ довести это дѣло *usque ad extremum umbilicum*, ибо вы сами его начали, сами же просили меня объ отрывкахъ“. Но только въ 1842 году Ганка издаетъ эти отрывки. Дѣло, однако, этимъ изданіемъ впередъ не подвинулось.

Такъ какъ обѣщанное Сильвестромъ изданіе не появлялось, то Ястржембскій, естественно, могъ думать, что Сильвестръ ограничится поднесеніемъ собственноручной *copie-facsimile* Императору Николаю I, и на этомъ дѣло остановится. У него возникаетъ новый планъ. 12-го сентября 1843 года онъ пишетъ Ганкѣ: „Имѣю серьезныя побужденія издать здѣсь наше знаменитое Реймское Евангеліе (только прошу васъ хранить это въ величайшемъ секретѣ!), но встрѣчаю препятствія, не относительно средствъ для изданія, но относительно самой печати, такъ какъ ни въ одной типографіи здѣсь невозможно найти славянскія буквы (шрифты); специально же выписывать ихъ изъ Праги стоило бы много хлопотъ и денегъ. Есть здѣсь,

правда, славянскіе шрифты въ королевской типографіи, не только кирилловскіе, но и глаголическіе, пріобрѣтенныя когда-то въ Венеціи; но сильно истертые, такъ что ни къ чему не будутъ пригодны; но нѣтъ здѣсь славянскаго наборщика; однимъ словомъ, съ различныхъ сторонъ встрѣчаются всевозможныя препятствія“, съ горечью жалуется онъ своему пражскому другу. Чтобы помочь горю, Ястржембскій самъ готовъ былъ сдѣлаться даже наборщикомъ задуманнаго изданія, имѣя нѣкоторыя познанія въ этомъ дѣлѣ, но отсутствіе шрифтовъ разбивало всякія усилія. Ища выхода изъ этого затрудненія, онъ думалъ было печатать текстъ латинскими буквами польскимъ, либо чешскимъ правописаніемъ. Не рѣшаясь, однако, приступить къ дѣлу, онъ обращается къ Ганкѣ съ просьбой посовѣтовать ему, какъ поступить, чтобы задуманное имъ изданіе было какъ можно болѣе полезнымъ.

„Я намѣренъ“, говоритъ онъ далѣе, „издать пока хоть одну часть рукописи, ту, относительно которой ведется споръ, то-есть кирилловскую, присоединивши къ ней предисловіе на польскомъ языкѣ. Мнѣ, однако, совѣтуютъ, чтобы я написалъ предисловіе по-французски, дабы сдѣлать изданіе доступнымъ иностранцамъ, но въ такомъ случаѣ пришлось бы, какъ мнѣ кажется, и примѣчанія къ тексту написать по-французски, а это было бы и неподходяще и даже во многихъ отношеніяхъ затруднительно. Ожидаю вашего благосклоннаго отвѣта. Тѣмъ временемъ отправлюсь въ Реймсъ для изготовленія вѣрной копіи Евангелія“.

Имѣя въ виду основательно подготовиться къ предстоящему труду, Ястржембскій проситъ Ганку сообщить ему все, что написано о Реймскомъ Евангеліи въ Чехіи и индѣ, а особенно русскими учеными. Онъ слышалъ, между прочимъ, и о какой-то „интересной статьѣ“ Строева въ Ж. М. Н. Пр. не только о Реймскомъ Евангеліи, но и вообще о славянскихъ рукописяхъ въ Парижѣ, и желалъ бы имѣть и ее. Особенно занимало Ястржембскаго мнѣніе о Реймскомъ Евангеліи Востокова. Желая поскорѣй познакомиться съ его изданіемъ Остром. Евангелія, Ястржембскій проситъ Ганку выслать ему этотъ трудъ Востокова немедленно, какъ только онъ выйдетъ изъ печати, такъ какъ въ Парижѣ, этой „Сибири славянскаго литературнаго міра“, получить какую-либо славянскую книгу весьма трудно. Но Ганка, насколько можно заключить изъ слѣдующаго письма Ястржембскаго отъ 8-го октября 1843 года, охладилъ пылъ увлекающагося постоянными проектами палеографа, сообщивши ему, вѣроятно, о своемъ предположеніи издать въ перепечаткѣ текстъ Реймскаго Еван-

гелія. Извѣстіе Ганки, несомнѣнно, огорчило Ястржембскаго, потерпѣвшаго, такимъ образомъ, вторую неудачу. Свои чувства по этому поводу онъ изложилъ въ упомянутомъ выше письмѣ Ганкѣ. „Не знаю, право, какъ мнѣ выразить чувства, съ коими я принялъ извѣстіе ваше относительно изданія Реймскаго Евангелія, ибо, хотя мнѣ и пріятно, что этотъ чрезвычайно важный для собратъевъ-чеховъ историческій памятникъ будетъ изданъ въ родной землѣ Св. Прокопа, однако грустно и очень грустно, что эта публикація принимаетъ въ извѣстной степени характеръ второго изданія. Первое изданіе по праву принадлежало чехамъ или полякамъ“¹⁾.

Изъ дальнѣйшаго выясняются нѣкоторыя подробности, касающіяся этого несостоявшагося Парижскаго изданія. Побужденія къ нему были довольно оригинальныя. Участіе Ястржембскаго въ этомъ проектѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя онъ приписываетъ его цѣликомъ польскому Литературному Обществу въ Парижѣ.

„Памятуя о близкихъ нѣкогда связяхъ политическихъ и о родствѣ племенномъ и язычномъ чеховъ и поляковъ, наше Литературное Общество (Towarzystwo Literackie) въ Парижѣ, назначивши изъ скудныхъ средствъ своихъ извѣстную сумму на изданіе нашего Реймскаго сокровища, поручило мнѣ заняться этимъ изданіемъ возможно скорѣй, съ цѣлью сдѣлать этимъ услугу братьямъ-чехамъ. Князь Чарторыйскій (Szartoryski), предсѣдатель Общества, почитатель чешскаго народа, принялъ это дѣло столь близко къ сердцу, что предложилъ мнѣ всякаго рода облегченія и личное содѣйствіе, лишь бы привести его поскорѣй въ исполненіе. Считаю долгомъ искренно признаться, что этотъ проектъ былъ предложенъ имъ въ засѣданіи Общества. Я былъ вполне убѣжденъ въ благополучномъ исходѣ предпріятія и съ этою цѣлью и обратился къ вамъ за необходимыми мнѣ матеріалами“. По отвѣтъ Ганки, задумавшаго, повидимому, свое пражское изданіе, сообщенный Ястржембскимъ князю Чарторыйскому, измѣнилъ рѣшительно намѣренія Общества, и ассигнованныя средства постановлено было обратить на иное какое-либо славянское изданіе.

¹⁾ Зубрицкій когда-то побуждалъ Погодина заняться сравнительнымъ изданіемъ вѣстѣ Реймскаго и Остромирова Ев. Погодинъ этого не сдѣлалъ, но, очевидно, считалъ обязанностію русскихъ ученыхъ изданіе Реймскаго Ев.; по крайней мѣрѣ, сообщая читателямъ *Москвитянина* (1841, № 3, стр. 637) извѣстіе Шафарика о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ изданія Сильвестра, онъ замѣтилъ: „Пріятное извѣстіе, которому мы можемъ радоваться *теперь безъ стыда*, потому что сами представимъ скорѣй ученому свѣту Остромирово Ев. Востокова“.

Между прочимъ, Ганка въ письмѣ своемъ Ястржембскому выражалъ удивленіе, что тотъ, живя въ Парижѣ, ничего не зналъ о готвящемся парижскомъ изданіи facsimile ¹⁾).

По объясненію Ястржембскаго причиной этого довольно страннаго невѣдѣнія его была большая таинственность, которой облечено было это изданіе, такъ что только въ концѣ 1843 года Ястржембскій узналъ, что каллиграфъ Сильвестръ, съ конемъ прежде онъ былъ въ столь близкихъ отношеніяхъ, обезпечивши себѣ продажу 300 экземпляровъ своего изданія русскому правительству, предполагаетъ, кромѣ того, издать еще 200 экз. для розничной продажи, присоединивши къ нимъ „Prolegomena“ Копитара ²⁾).

¹⁾ По словамъ Ястржембскаго, изданіе это „*ma vie rokazal z powum rokiet*“, то-есть къ 1844 году, между тѣмъ оно помѣчено 1843 годомъ.

²⁾ Сообщение Ястржембскаго нѣсколько уклоняется отъ истины. Сильвестръ получилъ отъ русскаго правительства средства на изданіе Реймскаго Ев. съ *обязательствомъ* доставить въ министерство народнаго просвѣщенія 300 экземпляровъ его. Къ этимъ экземплярамъ издатель не приложилъ пролегоменъ Копитара. При крайне неблагопріятныхъ взглядахъ у насъ на Копитара, Prolegomena его могли казаться подозрительными тѣмъ болѣе, что и самый текстъ Реймскаго Ев. казался ненадежнымъ министру Капкрину (*Leger*, р. 90). Вспомнимъ, что и Востокову духовная цензура нашла разныя затрудненія въ одобреніи къ напечатанію его Остромирова Ев. Неблагопріятные о Копитарѣ отзывы слышались у насъ нрѣдко: его обвиняли въ враждебности православію, приписывали ему обширный планъ обращенія всего славянскаго народонаселенія Австріи въ католичество, считали его преданнѣйшимъ слугою и орудіемъ вѣнскаго правительства и римской куріи и т. п. Эти мнѣнія о Копитарѣ сложились у насъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ слуховъ и сообщеній изъ Праги, гдѣ его представляли намъ, русскимъ, съ этой наиболѣе, быть можетъ, намъ непріятной стороны (В. И. Ламанскій, *Новѣйшіе памятники древне-чешскаго языка. Ж. М. Н. Пр.* 1880, ч. 209, стр. 380). Но въ Прагѣ для такого рода обвиненій имѣлись, несомнѣнно, свои основанія, ибо слишкомъ ужъ упорны были эти слухи, и очистить Копитара отъ взводимыхъ на него обвиненій и подозрѣній нелегко. Нѣкоторые намеки этого рода встрѣчаемъ, напримѣръ, въ письмѣ Прейса М. С. Куторгі отъ 12-го января 1841 г. (*Живая Стар.*, 1891, III, 12), но къ слухамъ Прейсъ относится съ недо-вѣріемъ. Такъ же осторожно выразился и Погодинъ въ известномъ письмѣ министру народнаго просвѣщенія (*Русская Бесѣда*, 1859, I, 69, смѣсь): „О Копитарѣ, бібліотечарѣ Вѣнской бібліотеки, не могу сказать ничего рѣшительнаго. Общее мнѣніе между славянами есть то, что онъ тайный агентъ австрійскаго правительства, гонитель славянскаго начала и врагъ русскихъ. *Ne znamo, skoliko este edice pravdy*“. „Кажется,—нисколько“, присоединилъ впоследствии Погодинъ замѣчаніе къ этому мѣсту. Но рѣшительно обвинялъ Копитара въ католической пропагандѣ Зубрицкій, который 10—22-го февраля 1846 г. писалъ Ганкѣ: „У меня была очень странная переписка съ возвратившимся изъ Рима Копитаромъ. На-

„По слухамъ“, говоритъ Ястржембскій, „они печатаются уже здѣсь въ Парижѣ“. Такъ Копитаръ „дукаво виѣшался въ парижское изданіе безъ приглашенія“. Какими путями, объ этомъ повѣствуетъ Ястржембскій далѣе, хотя и съ нѣкоторыми умолчаніями.

„Ваше изумленіе было бы, пожалуй, еще больше и основательнѣе“, продолжаетъ онъ свои жалобы Ганкѣ, „еслибы вы знали всѣ подробности процедуры, направленной къ тому, чтобы воспрепятствовать появленію нашему сокровищу раньше въ Прагѣ или въ Парижѣ подъ моимъ именемъ.“

„Я не поднимаю вполне завѣсу, скрывающую эти махинаціи; скажу только, что извѣстнаго рода зависть сыграла въ этомъ дѣлѣ главную роль. Меня, путемъ переписки, какъ будто бы убѣждали (*zачесесо мпие*) соединиться съ каллиграфомъ для изданія Реймскаго Евангелія, и вдругъ каллиграфъ, сдѣлавшій мнѣ раньше то же предложеніе, начинаетъ заявлять, что ему пишутъ противное, совѣтуютъ не имѣть со мной дѣла, какъ съ *невѣждой* (*ignogantem*) *съ славянскихъ дѣлакъ*, и въ доказательство моего невѣжества приводятъ ему ошибки, сдѣланныя на литографированной табличкѣ, приложенной къ моему рапорту (*Notice*)“¹⁾.

становалъ онъ на меня, чтобы я уговорилъ нашего митрополита или епископа на путешествіе въ Римъ и отправился съ ними туда. Онъ удостоверялъ насъ въ хорошемъ приѣмѣ, требовалъ, дабы мы здѣсь дѣйствовали на духовенство за російскими рубежами и пр... Подлинныя его письма и мои отвѣты хранятся у меня“. Интересно вспомнить при этомъ случай отъѣздомъ Копитара о Мацѣевскомъ въ *Neusch. Glavogor.* за его мнѣніе о православіи у поляковъ, о Палацкомъ, Шафарикѣ и т. д. Шафарикъ въ одномъ изъ писемъ къ Погодину прямо называетъ Копитара „службой и орудіемъ римско-нѣмецко-польскихъ іезуитовъ“. Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ ученымъ, состоявшимъ съ нимъ въ перепискѣ, Копитаръ былъ такъ же мало симпатиченъ. Интересныя подробности, касающіяся взаимныхъ отношеній Копитара и Шафарика, сообщаетъ проф. К. Иречекъ (*P. J. Šafařík mezi jihoslavy, str. 86—93*), въ общемъ раздѣляющій давно сложившіяся неблагопріятныя взгляды на Копитара. Взглядъ Шафарика на Копитара характеризуютъ прекрасно выписки изъ бумагъ Шафарика, сообщенныя въ журналѣ *Světogor*, 1895, str. 307—309, Ч. Зибртонъ. Участіе Копитара въ изданіи Реймскаго Евангелія вмѣстѣ съ Сильвестромъ казалось между тѣмъ весьма желательнымъ Погодину, который отъ души желалъ ему содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ со стороны Россійской Академіи (Биларскій, 56).

¹⁾ А между тѣмъ самъ Ястржембскій указывалъ Ганкѣ на промахъ Копитара: „Удивляетъ меня, что Копитаръ повторилъ мою ошибку въ переводѣ послѣсловія (*explicitu*). Я ошибся вслѣдствіе слабаго знакомства съ чешскимъ языкомъ, а еще болѣе — вслѣдствіе того, что не обратилъ вниманія на

„Собственно говоря“, оправдывается даже Ястржембскій, „указываемые промахи не являются ошибками капитальными, они возникли скорѣй вслѣдствіе несовершенства оттисковъ литографскаго станка, чѣмъ по моей полной неумѣлости (nieumiejętności). Во всякомъ случаѣ, преподанный каллиграфу совѣтъ—поискать себѣ въ сотрудники *слависта по профессіи*—весьма много повліялъ на его окончательное рѣшеніе и недостойный въ отношеніи меня поступокъ. За этимъ послѣдовали со стороны Реймскаго бібліотекаря всякія затрудненія въ доступѣ мнѣ къ нашему сокровищу, такъ какъ ему обѣщано было въ присутствіи *свидѣтеля* (отъ котораго я имѣю это извѣстіе), что имя его (Paris) будетъ съ похвалою упомянуто въ пролегоменахъ ¹⁾. Пусть же величаютъ другъ друга, если подобный поступокъ можетъ служить къ ихъ чести!“ Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ястржембскій имѣетъ тутъ въ виду Копитара. Дальнѣйшія строки прямо направлены противъ него.

„Судя по тому, что мнѣ г. Копитаръ писывалъ (ибо уже не пишетъ и на два моихъ послѣднихъ письма не дозволялъ отвѣтить), я предвижу, что въ пролегоменахъ своихъ онъ будетъ поддерживать, для сохраненія собственной репутации, свое знаменитое „*jam dixi*“. Жаль, что этотъ столь ученый славистъ, мнѣніе котораго можетъ имѣть немалое вліяніе на читающую, но не особенно любящую углубляться въ предметъ публичку, такъ сильно противорѣчить себѣ! Мы имѣемъ, правда, противъ него сильныя аргументы, однако самый бой по этому вопросу не позволяетъ публикѣ представить себѣ дѣло такъ, какъ оно обстоитъ въ дѣйствительности. Сомиѣваюсь, чтобы Копитаръ захотѣлъ защищаться противъ аргументовъ, которые я въ состояніи буду выставить про-

точку, находящуюся надъ буквой **š**; я сдѣлалъ ненадлежащее раздѣленіе словъ:

švobodnoplavny, а отсюда произошло въ переводѣ: *aux slavons*.

И сдѣлалъ еще и другую ошибку: я перевелъ выраженіе **Plavny** . —

durant l'année. Первая и послѣдняя возникли, несомнѣнно, вслѣдствіе отсутствія у меня чешскаго словаря, котораго здѣсь я нигдѣ не могъ найти“. Сомиѣвалась въ правильности чтенія послѣсловія Ганкою, Копитаръ перевелъ слова: „к ѡславнѣнію тому то кѡнвѣнту“—*„ad Slavogum hocce monasterium“* (Heusch. Gloss., p. 66).

¹⁾ Ср. въ *Ж. М. Н. Пр.*, 1848, ч. 57, II, 149 (переводъ I. Паллонскаго). Прологомены Копитара перенечатами въ *Slav. Bibl.* Миклошича, 1861, I, p. 57 sqq.

тивъ его мнѣнія; однако я, на случай наступленія рѣшительнаго момента, буду наготовѣ, ибо намѣренъ поднять перчатку.

Признаюсь, однако, что сдѣлаю это съ большимъ затрудненіемъ. Копитаръ снабженъ разнообразнымъ оружіемъ, собраннымъ, словно въ арсеналѣ, въ вѣнской бібліотекѣ, я же лишень всего этого, но попробую счастья: смѣлость въ добромъ дѣлѣ не можетъ возбудить ни порицаній, ни вызвать конфуза; если же замѣчу, что противникъ побѣждаетъ,—скажу, что онъ очень ловокъ“.

Ястржембскій, неоднократно отстаивавшій глубокую древность Реймскаго Евангелія, не хотѣлъ отказаться отъ своего убѣжденія, не смотря на противное мнѣніе Копитара, ничѣмъ, впрочемъ, по замѣчанію Виллярскаго, кромѣ презрѣнія и насмѣшки, не доказавшаго, что Реймскій памятникъ принадлежитъ не XI, а XIV вѣку.

„Я стоялъ и остаюсь при своемъ первоначальномъ мнѣніи, что Реймское Евангеліе есть „le plus ancien livre d'Évangile en langue slave“, и даже, не смотря на сильныя упреки, которые дѣлали мнѣ со многихъ сторонъ, что я слишкомъ поторопился и основалъ свое заключеніе на достовѣрности автора послѣсловія, я буду защищаться до крайности, ибо изъ самаго предмета спора я извлекъ достаточныя доказательства, опираясь на которыя, я такъ смѣло высказалъ прежде свое мнѣніе“. Это мнѣніе выражено было имъ и въ его Notice и въ письмахъ къ Ганкѣ, особенно въ письмѣ отъ 12-го сентября 1841 года, опубликованномъ Ганкой въ его „Wýpisky Řešenského a Ostromírského Ewangelium“ (стр. 6—11). Но письмо это не предназначалось для публики, а было лишь частнымъ сообщеніемъ Ястржембскаго Ганкѣ. Такъ какъ обнародованіе его, несомнѣнно, непріятно было Копитару, то Ястржембскій проситъ Ганку „нейтрализовать при удобномъ случаѣ“ то дурное впечатлѣніе (zlý efekt), какое могло вызвать напечатаніе этого письма. „Я не столько имѣю въ виду Копитара, который, очевидно, по этому поводу на меня разсердился, сколько вообще публику“. Но чье же ученое самолюбіе могло больше задѣть это письмо, чѣмъ самолюбіе Копитара? Но и послѣ этого Ястржембскій остается при прежнемъ мнѣніи.

„Итакъ, повторяю, я никогда не сомнѣвался въ древности нашей рукописи, скорѣй, можетъ быть, я былъ одурачень (obařaticou) постоянными подсказками ученаго слависта, а они, смѣшавшись съ принципами западной палеографіи, не во всемъ, какъ убѣждаюсь, пригодной для палеографіи славянской, создали собственно это заблужденіе“.

Ястржембскій, ясно урѣвшивъ направленныя противъ него „махи-
націи“ Копитара, шелъ въ своихъ обвиненіяхъ дальше: онъ подозрѣ-
ваетъ, повидимому, и Шамполиона въ томъ, что онъ подъ влияніемъ
и по наущенію Копитара выступилъ противъ достовѣрности послѣ-
словія Реймскаго Евангелія ¹⁾).

„Вы должны, конечно, знать“, пишетъ онъ Ганкѣ, „что Champol-
lion-Figeas, консерваторъ рукописей королевской библиотеки, ничего
не смыслящій въ славянщинѣ и пишущій о ней по чужимъ замѣт-
камъ...., которыхъ весьма часто не понимаетъ и дѣлаетъ поэтому
уморительныя ошибки, найдя на полѣ экземпляра Glagolita Cloz.,
подареннаго Сильвестру Копитаромъ, собственноручную замѣтку его,
относящую Реймское Евангеліе къ XIV вѣку, ухватился за это, какъ
за откровеніе (wugosnie), и въ этомъ духѣ помѣстилъ обширную и
пустую болтовню (gadanine) въ „Paléographie Universelle“ подъ за-
главіемъ: „Evangélique slave de la Bibliothèque Communale de Rheims
vulgairement nommé Texte du Sacre“. „Гасконскій авторъ“, говоритъ
Ястржембскій, „съ комической ироніей нападаетъ на достовѣрность
послѣсловія. Я приготовилъ уже на это категорическій отвѣтъ, ибо
нападкамъ подвергнуты мои личныя мнѣнія. До сихъ поръ этого отвѣта

¹⁾ Съ другой стороны и Ганка подозрѣвалъ Копитара въ широко распростра-
ненныхъ воззрѣніяхъ. Въ бумагахъ Ганки мы нашли имъ собственноручно по-русски
написанный листокъ,—вѣроятно, часть конспекта какого-то письма,—слѣдующаго
содержанія: „Что касается г. Строева, то видно, что онъ съ смѣломъ Копитара, и
съ какимъ наглѣніемъ этотъ своихъ обширныхъ свѣдѣній употребляетъ, узнаете,
прочитавъ въ Converg. Lex. Brockhaus 1839 статью Kopitar. Его прозвали Мефи-
стофелемъ славянской литературы—и не напрасно“.— Письмо Строева Копитару
(изъ „Сѣв. Пчелы“, 1839 г., № 260) Ганка перепечаталъ въ Саз. Сѣск. Муз.,
1839, р. 491—492, съ своими замѣчаніями. Не иначе думалъ о Копитарѣ и Ша-
фарикъ, который въ письмѣ къ Погодину (отъ 26-го декабря 1839 г.), повиди-
мому, тоже считалъ мнѣніе Строева о принадлежности кирилловской части Рейм-
скаго Евангелія XIV столѣтію не самостоятельными, а подсказанными ему вѣн-
скими учителямъ („Seine und seines Meisters in Wien Deutung“...). Отзыви Ша-
фарика о Строевѣ были весьма неблагоприятны для ученой репутаціи молодого
русскаго палеографа. См. письмо Шафарика Погодину отъ 26-го декабря 1839 г.
Такъ же строго отозвался о немъ и П. Д. Ивановичъ въ письмѣ къ Ганкѣ отъ
7-го марта 1840 г.: „Я хотѣлъ долго, смотря, какъ Строевъ исковеркалъ свя-
тыя письма, особенно, когда припоминалъ, что этотъ же самый полуученый
blâsem говоритъ про свои палеографическія и филологическія соображенія, су-
дить про Копитара и Шафарика печатно, отдавая ирризуемость первому изъ
нихъ... Страннымъ покажется, что этотъ же самый человекъ пишетъ критики
для Ж. М. Н. Пр., судить и ридить о книгахъ и сочинителяхъ русскіихъ и за-
граничныхъ“.

я не публиковалъ; думаю, что поступлю лучше, введя его въ главную мою работу, посвященную нашему сокровищу, — увы! — столь попираемому!“

Но этой „главной“ работы Ястржембскаго ученые славяновѣды такъ и не дождались.

„Критическій террористъ“, разбившій благородныя стремленія безкорыстнаго польскаго палеографа, самъ, однако, не торжествовалъ побѣды надъ своими соперниками. Пролегомены его къ изданію Сильвестра произвели весьма неблагоприятное впечатлѣніе въ ученѣмъ мірѣ, но не вызвали противъ себя критическихъ статей, ни энергичнаго протеста противъ вмѣшательства его въ это изданіе „безъ приглашенія“. Но нельзя было оставить мнѣнія и поступка „Мефистофеля славянской науки“ безъ противодѣйствія. Средство для этого было найдено. „Нельзя было придумать мѣры болѣе дѣйствительной, какъ предпринять новое изданіе, болѣе доступное для большинства и болѣе удобное для филологическаго и всякаго другого употребленія, и въ этомъ изданіи изблечить съ одной стороны несообразный съ наукою образъ дѣйствія Копитара, а съ другой — изложить во всей полнотѣ и силѣ противоположный взглядъ. На успѣхъ такого изданія можно было надѣяться тѣмъ болѣе, что парижское изданіе распространялось чрезвычайно медленно“¹⁾.

Практическій Ганка, какъ мы видѣли, задумалъ его раньше, чѣмъ приступилъ къ осуществленію этой мысли терпѣвшій постоянно неудачи Ястржембскій.

Въ началѣ 1843 года (а можетъ быть — и раньше) Ганка обратился къ графу С. С. Уварову съ просьбой о содѣйствіи къ снятію для него копій съ Реймскаго славянскаго Евангелія, котораго facsimile хранилось въ Императорской публичной библиотекѣ. Копія эта, согласно указанію и просьбѣ Ганки, должна была быть приготовлена подъ наблюденіемъ Востокова²⁾. Но задача Ганки не была исполнена: это былъ бы напрасный трудъ въ виду предстоявшаго выхода въ свѣтъ изданія Сильвестра. „Я могу теперь сообщить вамъ“, писалъ ему 14-го мая 1843 г. графъ С. С. Уваровъ, „что къ концу настоящаго года при пособіи, дарованномъ Государемъ Императоромъ, должно быть приготовлено въ Парижѣ самимъ г. Силь-

¹⁾ Биларскій, 66.

²⁾ См. письмо Ганки Востокову отъ 18-го апрѣля 1842 г. Переписка А. Х. Востокова, 351.

вестромъ палеографическое изданіе этого Евангелія. Министерство Народнаго Просвѣщенія получить отъ щедротъ Его Величества 300 экземпляровъ, и въ то время я не упущу изъ виду города Праги". Но еще долго пришлось ждать Ганкѣ этого дорогого для него подарка. Только 22-го іюля 1844 года графъ С. С. Уваровъ извѣстилъ Ганку письмомъ, что одинъ экземпляръ Реймскаго Евангелія высылается для него; другой экземпляръ графъ Уваровъ просилъ отъ его имени передать Шафаряку ¹⁾, а третій былъ отправленъ въ библиотеку Чешскаго музея чрезъ австрійскаго посла въ Петербургъ Коллоредо-Вальдзе. Ганка теперь могъ спокойно предаться приготовленіямъ къ печати своего изданія. .

Прошло два года, и въ 1846 году ученый славянскій міръ узрѣлъ долго подготавливавшееся въ тишинѣ изданіе Ганки.

Разборъ немногихъ достоинствъ и крупныхъ недостатковъ этого изданія Ганки сдѣланъ былъ съ чрезвычайной добросовѣстностью Биларскимъ (21 — 29). Мы ограничимся здѣсь нѣсколькими деталями, относящимися къ судьбамъ Пражскаго изданія на Руси, гдѣ ему, вслѣдъ за весьма сочувственнымъ отзывомъ И. И. Срезневскаго въ Москвитянинѣ ²⁾, пришлось встрѣтить жестокій судъ въ статьѣ Куника и испытать затѣмъ длинный рядъ неудачъ.

Уже въ октябрѣ 1845 года Ганка съ радостью посылаетъ Бодянскому первый оттискъ своего изданія: „Вотъ вамъ Сазаво-Емауское Евангеліе! Вы первый, получающій полный экземпляръ, даже у меня его еще нѣтъ“. Но при этомъ онъ не забываетъ заручиться содѣйствіемъ Бодянскаго для распространенія своего изданія на Руси. „Мнѣ было бы пріятно“, продолжаетъ Ганка, „еслибъ вы показали его въ Москвѣ и объявили о немъ въ печати, и въ особенности, —

¹⁾ Шафарикъ почему-то назначеннаго для него экземпляра не получилъ, и это обстоятельство его, повидному, огорчало: 14-го марта 1843 года онъ пишетъ Ганкѣ: „Newím, zdaliž ste již wspěšnému Maesenu S. S. (то-есть Сергею Семеновичу Уварову) psal, že třetí ex. Remešského Ew. nepřišel, a já že sem z dobrodiní wypadl? Jestli ne, račtež to ted' učiniti—snad předce později i mně se něco dostane“.

²⁾ 1846 г. № 8. Ср. Биларскій, 28, 97. И впоследствии Срезневскій, не изменивъ своего мнѣнія объ изданіи Ганки. Обозрѣвая палеографическія работы у западныхъ славянъ, онъ говоритъ объ изданіи Ганки: „какъ вѣрная передача текста по снимку, сравнительно съ Остромировымъ Ев., съ очень любопытнымъ введеніемъ, оно должно быть почитаемо въ числѣ изданій важныхъ“. *Ж. М. Н. Пр.*, ч. СХХХІІІ, стр. 37.

еслибъ вы рекомендовали его своимъ слушателямъ въ качествѣ хрестоматіи древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго языка“.

Въ отвѣтъ на эту присылку Бодявскій въ письмѣ отъ 8-го апрѣля 1846 г. высказалъ Ганкѣ свое мнѣніе о его изданіи: „Поздравляю васъ съ изданіемъ Емаускаго Евангелія. Въ отношеніи текста и внѣшности оно ничего не оставляетъ желать, но въ отношеніи предисловія (Кто его вамъ переводилъ на русскій? Плоховато и невѣрно!) я не могу во всемъ согласиться съ вами, хотя вы высказали свое мнѣніе очень осторожно и съ меньшей запальчивостью и увлеченіемъ, какъ это сдѣлала въ одной особой статьѣ объ этомъ же предметѣ“.

Изданіе Ганки вызвало съ новой силой интересъ къ Реймскому памятнику. Первыми отозвались у насъ, какъ замѣтили мы выше, Срезневскій и Куникъ. Срезневскій относился къ Ганкѣ всегда съ особеннымъ почтеніемъ и не замедлил, конечно, сообщить ему свой отзывъ. Инымъ путемъ сталъ извѣстенъ Ганкѣ отзывъ Куника.

„Г-нъ профессоръ Устряловъ сообщилъ мнѣ“, писалъ Ганка 22-го іюня 1846 года графу С. С. Уварову, „критику на нѣмецкомъ языкѣ на мое изданіе Сазаво-Емаускаго Евангелія изъ Санктпетербургскихъ Вѣдомостей. Я прочелъ ее, какъ обыкновенно такую невѣжливую статью читаютъ, и убѣдился, что русскіе приняли и принимаютъ мою книгу совсѣмъ иначе и вопреки неучтиваго тщанія г-на Куника. Я никого не принуждаю вѣрить; въ книгѣ моей стоитъ: „мнѣ не пощастливилось найти указанія въ лѣтописяхъ, а впрочемъ скажу свое мнѣніе“. Я это сказалъ простосердечно, это мое мнѣніе, какъ и то: Куникъ—грубый нѣмецъ, и Богъ съ нимъ, какъ говорятъ русскіе въ подобныхъ случаяхъ. Въ другихъ отношеніяхъ онъ можетъ быть лучшей человѣкъ, но я его знаю только по этой статьѣ“¹⁾.

¹⁾ Замѣтимъ, что къ изданію Ганки недоброжелательно относились и въ самой Прагѣ. Вотъ что писалъ по этому поводу Ганка Бодявскому 16-го мая 1847 года: „Г. Палацкій не позволилъ ни слова сказать объ этихъ книжкахъ (т. е., о Реймскомъ Евангеліи и Началахъ священнаго языка) въ журналахъ, ни помѣстить заглавія ихъ въ перечнѣ новыхъ книгъ, а листокъ, приклеенный ко II-му выпуску „Музейника“ 1846 года, напечатанъ на мой счетъ, противъ его желанія“. Когда Ганка обратился къ Шафарыку съ просьбой написать отзывъ о его изданіи Реймскаго Ев., Шафарыкъ дипломатично уклонился отъ этого. 3-го декабря 1845 г. онъ писалъ Ганкѣ: „Ohledem na projevemau onehdy žádost nechci Wás tajna činiti, že pro důležité překážky a příčiny, chtěje zásadám svým wěren zůstatiti a nemoha w té věci powinnosti k sobě i jiným jinak wyrownati, na ten čas posudku neboli zpráwy o Rem. Ew. pro časopis Musejni a wofejné listy wůbec psáti nemohu. Jest mi toho samému nemálo líto: než těším se tou myšlenkou, že

Свое неудовольствіе по поводу статьи Кунника Ганка почти въ тѣхъ же словахъ повторилъ и въ письмѣ къ Бодяискому (отъ 14-го іюля 1846 года): „нѣмецъ Кунникъ написалъ объ этихъ книгахъ злобную чепуху въ нѣмецкія газеты. Своими „ругательствами“ онъ доказалъ, что онъ грубый нѣмецъ, и „Богъ съ нимъ“, какъ говорятъ русскіе. И вѣдь въ предисловіи говорю, что разрѣшить спорный вопросъ [о послѣсловіи, въ которомъ упоминается имя св. Проконія] предлагаю нынѣшнимъ и будущимъ славянскимъ ученымъ, — итакъ, къ чему тутъ нѣмецъ?“

Недоброжелательный отзывъ Кунника заставилъ Ганку искать защиты у друзей. Пользуясь отосланиемъ письма Н. Г. Устрялову, онъ препровождаетъ (7-го мая 1846 г.) одинъ экземпляръ своего изданія П. И. Прейсу, съ просьбой принять это изданіе подъ свое покровительство: „Можете ли совѣстно, драгоцѣнный Петръ Ивановичъ, принять на себя заступничество сей книги, вы бы одолжились въ побужденіи ревности къ Славянщинѣ у насъ, у западныхъ Славянъ: въ это время бы было это кстати, когда вамъ извѣстно, какими мѣрами стремится германскій западъ вкоренить ненависть противъ восточныхъ славянъ и въ самыхъ западно-славянскихъ племенахъ“¹⁾. Авторитетъ Прейса, въ которомъ самъ Шафарикъ видѣлъ будущаго „второго Востокова“, долженъ былъ защитить изданіе Ганки, но Прейсъ не отозвался. Оставалось Ганкѣ самому выступить съ отвѣтомъ своему противнику.

Несмотря на то, что Устряловъ (въ письмѣ отъ 13-го—25-го іюля 1846 г.) предлагалъ Ганкѣ написать „антикритику“, которую редакция Вѣдомостей охотно напечатала бы, Ганка молчалъ. Онъ былъ уже счастливъ тѣмъ, что трудъ его удостоился награды съ высоты русскаго престола. 21-го марта 1846 г. Уваровъ писалъ Ганкѣ: „Экзем-

při mnohám ze rodu Slawistůw brzo někdo jiný (n. pr. pp. Miklosich, Glückselig a t. d.) se naleze, jenž v wydáním Wašim obecenstwo blíže seznámí a zásluby Waše při tom slušně i spravedlivě ocení“. Ганку этотъ отказъ огорчилъ. Онъ налилъ свое горе въ письмѣ Зубрицкому, который отвѣчалъ ему: „Вы сомнѣваетесь, боянь ли или зависть заставила друзей вашихъ оказаться равнодушными на вашъ прекрасный трудъ; а я думаю, что болѣе другое, какъ первое; хотя и прочемъ, любъ гова, мнѣ кажется, я и основываюсь на нѣкоторыхъ словахъ полученнаго мною его письма, что г. Ш. нустится по слѣдамъ Кошутара, но его, какъ протестанта, не украситъ его святѣйшество своимъ орденомъ“ (10—22-го февраля 1846 г.). Это была, несомнѣнно, злая шутка. Ни боянь, ни зависть въ этомъ случаѣ Шафарикомъ не руководили: онъ просто щадилъ Ганку.

¹⁾ Живал Смар., 1891, IV, 83.

пляръ изданнаго вами Реймскаго Евангелія, сличеннаго съ Евангеліемъ Остромировымъ и Острожскими чтеніями, я имѣлъ счастье, согласно съ желаніемъ вашимъ, поднести Государю Императору. Его Императорское Величество, удостоивъ благосклоннаго принятія это изданіе и въ ознаменованіе Высочайшаго вниманія къ литературнымъ трудамъ вашимъ по части славянской филологіи и усердному содѣйствію вашему ученымъ предпріятіямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и образованію молодыхъ людей, которые были отпращиваемы для изученія славянскихъ нарѣчій, всемилоствѣйше пожаловалъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-ой степени¹⁾. Къ тому же для Ганки готовилась въ Россіи еще и другая радость. Выражая благодарность Ганкѣ за экземпляръ Реймскаго Евангелія, доставленный ему лично, и извѣщая его о передачѣ другого экземпляра въ Императорскую академію наукъ, графъ Уваровъ сообщалъ ему въ то же время, что онъ „пригласилъ гг. попечителей учебныхъ округовъ къ приобрѣтенію для подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній какъ Реймскаго Евангелія, такъ и славянской грамматики (т. е., Началь священнаго языка)“.

Извѣстное содѣйствіе распространенію изданія Ганки оказалъ и Бодянский, которому попечитель Московскаго учебнаго округа передалъ на разсмотрѣніе вопросъ относительно выписки Реймскаго Евангелія. „И я“, извѣщаетъ Ганку Бодянский, „не только одобрилъ выписку, но даже просилъ отъ себя не откладывать ея въ долгій ящикъ. Не знаю, что то будетъ. Думаю, однакоже, что дѣло наше состоится“. Но „дѣло“ не состоялось, и сомнѣнія Бодянскаго на счетъ успѣшности продажи пражскаго изданія въ Россіи были, какъ показало будущее, основательны. Кромѣ экземпляровъ, официально затребованныхъ министерствомъ для бібліотекъ учебныхъ заведеній, изданіе расходилось весьма медленно²⁾, и неуспѣшность продажи его огорчала Ганку,

¹⁾ Ф. Билы (Савор. Mat. Moravské, 1897, str. 101) говоритъ, что Ганка получилъ за изданіе Реймскаго Ев. отъ императора Фердинанда I брилліантовый перстень. Погодинъ же сообщалъ (*Русская Вѣсѣда*, 1859, I, смѣсь, 75), что австрійцы стараются всѣми силами отвратить все, что можетъ хоть издали напоминать греческое исповѣданіе: „Ганка недавно получилъ стройной *эмисоръ* за свои доказательства (впрочемъ, нетверды), что Реймское Ев. писано въ Богеміи въ XI вѣкѣ св. Прокопіемъ кирилловскими церковными буквами“. Вѣроятно, у Погодина имѣлись точныя свѣдѣнія объ отличіи, полученномъ Ганкой.

²⁾ Весной 1846 г. Ганка выслалъ Бодянскому 200 экземпляровъ своего изданія Реймскаго Евангелія. Въ спискѣ книгъ, имѣющихся для продажи въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., это изданіе значится еще и въ настоящее время!

потратившаго на изданіе, несомнѣнно, значительныя средства. А между тѣмъ желанія у него были весьма скромныя.

„Весьма полезно было бы для меня“, просить Ганка Бодянского (25-го октября 1846 г.), „еслибъ вы постарались сбыть пока хоть столько экземпляровъ (Реймскаго Евангелія), чтобъ можно было заплатить за доставку. При моемъ маленькомъ жалованьи этотъ расходъ для меня въ высшей степени обременителенъ, въ особенности въ этомъ году, когда все такъ дорого. Болѣе тысячи гульденовъ серебромъ наличными деньгами я долженъ былъ заплатить за упомянутое Евангеліе, и теперь предстоитъ мнѣ еще столько заплатить за доставку. Я рассчитывалъ на то, что вы, господа профессора славянской словесности, будете ко мнѣ настолько пріятельски благосклонны и милостивы, что возьметесь рекомендовать эту вещь своимъ слушателямъ, какъ послѣдній остатокъ православія на западѣ; чтобъ книга побольше распространилась, и чтобъ священный языкъ сталъ извѣстенъ, я принялъ въ нее, насколько возможно, побольше изъ Остромирова Евангелія. Но если я долженъ буду заплатить вамъ наличными деньгами и за доставку, то вы, какъ вижу, не похлопочете даже о томъ, чтобъ хоть сколько-нибудь разошлось, и хорошая вещь будетъ лежать безъ пользы, какъ желаютъ этого наши недоброжелатели“. Ганка видимо раздражался неуспѣшностью продажи своего изданія Реймскаго Евангелія, „хорошей вещи“, по его убѣжденію. Въ утѣшеніе ему Бодянский не безъ ироніи сообщалъ (30-го апрѣля 1847 г.), что въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ насилу нашелся человекъ, который выписалъ экземпляръ! „Имя его, говорилъ Бодянский, стоитъ вашей памяти: это графъ Дмитрій Толстой изъ Риги. Конечно, печальное явленіе эта невнимательность моихъ соотечественниковъ къ такому дѣлу, но что правда, то правда. Можетъ быть, въ слѣдующемъ году, т. е. съ осени, не будетъ ли какого сбыту имъ, когда я объявлю преподаваніе церковно-славянскаго языка въ университетѣ и поручу именно эти ваши изданія въ руководство; но теперь вовсе, какъ видите, застой на нихъ“. „Взаимность, взаимность! золотое слово, но только на языкѣ, а не на дѣлѣ!“ съ горечью восклицалъ Ганка. „Я пожертвовалъ“, жаловался онъ Бодянскому нѣсколько позже (15-го мая 1847 г.), „послѣдній грошъ на это изданіе, и еслибъ я не уступилъ вамъ своей бібліотеки, я не былъ бы въ состояніи сдѣлать этого“...

Неудача огорчала Ганку тѣмъ болѣе, что она разстраивала одно изъ задушевныхъ его желаній: поѣздку по славянскимъ землямъ. „По-

кровительствуйте моему осиротѣвшему „Евангелію“ и „Началамъ“, какъ добрый отецъ“, умоляя онь Бодянскаго (15-го іюня 1847 г.). „У меня былъ планъ на вырученныя деньги за мою бібліотеку сдѣлать путешествіе по славянскимъ землямъ и посѣтить матушку Москву на Святой Руси, между тѣмъ объявилось Евангеліе въ Реймсѣ, и я полагалъ возможнымъ сдѣлать обое, т. е., издать этотъ священный памятникъ, и за вырученное за него, думалъ, нарастеть на путешествіе. Но ваши извѣстія иначе показываютъ. Чтожъ дѣлать, человекъ думаетъ, но судьба иначе сдѣлаетъ: ошибка ошибкой, а не грѣхомъ. Назадъ книгъ не посылать, это потеря еще бѣльшая“.

А между тѣмъ Бодянскій въ отвѣтъ на всѣ просьбы Ганки о кровительствѣ его изданію могъ сообщить ему попрежнему весьма мало утѣшительнаго. Книги Ганки не раскупались, хотя въ каждомъ № „Чтеній“ Бодянскій помѣщалъ о нихъ объявленіе. „Единственная надежда“, продолжалъ онь успокаивать Ганку, „на сбытъ ихъ здѣсь съ открытія университетскихъ лекцій осенью, когда студенты обратятся къ нимъ, по моему назначенію, какъ къ руководству при слушаніи моихъ чтеній о церковно-славянскомъ языкѣ“. Но надежды, возлагавшіяся на студентовъ, тоже не оправдались, ибо въ октябрѣ 1847 года Реймскаго Евангелія разошлось всего только семь экземпляровъ! „Что прикажете дѣлать съ такой убійственной холодностью нашихъ москвичей! При первомъ желаніи нашемъ я готовъ выслать даже имена купившихъ Евангеліе, потому что веду ихъ списокъ. Любопытно знать, кто занимается имъ“. Сообщая Ганкѣ (22-го апрѣля 1850 г.) не длинный расчетъ по продажѣ его изданій въ Москвѣ за три года, Бодянскій откровенно выразился, что, по его мнѣнію, лучше всего будетъ переслать обратно остающіеся экземпляры въ Прагу.

„Длинные счеты“ и „малые итоги“ Бодянскаго по продажѣ изданій Ганки въ Москвѣ казались послѣднему особенно обидными при сравненіи съ результатами кievскаго комиссіонера его барона Станислава Шодуара. „Древній Кіевъ далеко опередилъ матушку Москву Бѣлокаменную, спасовавшую передъ нимъ и передъ Петербургомъ. Къ сожалѣнію, у насъ очень мало охотниковъ до древнеславянскаго языка! А онь все-таки составляетъ наше общее и васъ православныхъ преимущественное достояніе“, горевалъ Ганка. Но въ Петербургѣ дѣло шло успѣшнѣе единственно благодаря официалнымъ заказамъ министерства. Вѣроятно, наставленіе, преподанное Ганкой Бодянскому — „шевелить равнодушныхъ земляковъ“ своихъ, плохо имъ исполнилось, а между тѣмъ, по справедливому замѣчанію Ганки, ни

для кого не представлялось къ этому „шевеленію“ больше возможности, какъ для профессора славянской литературы; но Бодянский былъ, очевидно, не изъ практиковъ, какинъ былъ Ганка. Дѣло дошло до того, что Ганка выразилъ желаніе сбыть свое изданіе Рейскаго Евангелія за половинную цѣну. Но Бодянский рѣшительно заявлялъ (16-го іюня 1850 г.): „Едва-ли это возможно, судя по тому, какъ оно въ продолженіе четырехъ лѣтъ идетъ у насъ... Я все-таки повторяю, что лучше всего будетъ, если вы возьмете свое изданіе назадъ. Въ будущемъ мало для него у насъ улыбающагося“... Таковы были судьбы этой „хорошей вещи“ въ Бѣлокаменной¹⁾.

Изданіе Рейскаго Евангелія Ганки, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, принесло несомнѣнную пользу: оно сдѣлало этотъ памятникъ легко доступнымъ и широко извѣстнымъ и этимъ вызвало новыя изслѣдованія. И Ганка самъ на своемъ изданіи не остановился. Повидному, у него назрѣлъ новый какой-то проектъ. Въ пятидесятихъ годахъ у него началась опять переписка относительно Рейскаго Евангелія съ нашимъ ученымъ-иезуитомъ И. М. Мартыновымъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ рукой писемъ Ганки къ Мартынову, да и изъ писемъ Мартынова къ Ганкѣ сохранились, какъ видно изъ ихъ содержанія, не всѣ. 23-го сентабря 1853 года Мартыновъ извѣщалъ Ганку: „На-дняхъ я побѣду въ Реймсѣ поглядѣть на тамошнее сокровище, которое вамъ хорошо извѣстно. Печатный снимокъ Сильвестра кажется мнѣ слишкомъ что-то красивымъ“.

Мартыновъ думалъ издать „Галерею славистовъ“, въ которой намѣренъ былъ помѣстить и жизнеописаніе Ганки, а при этомъ неизбежно предстояло сказать нѣсколько словъ и о „скромномъ изданіи“ его. Но дѣло ограничилось, повидному, однимъ приготовленіемъ. Въ

¹⁾ Равнодушіе Бодянскаго къ излюбленному дѣтищу Ганки покажется еще болѣе страннымъ, если вспомнимъ его неоднократныя обѣщанія Ганкѣ: „я на родниѣ у себя постараюсь отплатить вамъ“..., „долгъ платежомъ красенъ“ и пр. „Студенты такъ и лѣзутъ, какъ говорится, очертя голову на все славянское. Ждутъ—не дождутся прихода книгъ“, писалъ Бодянский Ганкѣ 5-го іюня 1843 г., а между тѣмъ спустя нѣсколько лѣтъ книга, все же для нихъ небезполезная, не находитъ спросу. „Видно, у друзей память бываетъ коротка“, можно повторить слова Бодянскаго, сказанныя имъ Ганкѣ, и въ отношеніи къ нему самому. Вообще въ отношеніяхъ Бодянскаго къ Ганкѣ было, кажется намъ, мало искренности. „Искренно уважаемый и почитаемый“ пражскій другъ нередко подвергается строгому суду Бодянскаго въ его письмахъ къ Погодину и превращается въ „пресловутаго Вячеслава Вячеславича“.

перепискѣ его съ Ганкой за цѣлый рядъ лѣтъ нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ его проектѣ, и только 19-го февраля 1859 года онъ опять заговорилъ о Реймскомъ Евангеліи, отвѣчая Ганкѣ на его сообщенія. „Кое-что о Реймскомъ Евангеліи. Вы правы—въ немъ много, много ошибокъ, да все-таки не столько, какъ въ пресловутомъ снимкѣ Сильвестровомъ; нѣкоторыя перешли и въ ваше изданіе, да крошечныя. Замѣтили вы: *сухомора* — вмѣсто: *ysomora*? Настоящая умора!“ Изданіе Сильвестра, не удовлетворявшее Мартынова, вызвало съ его стороны рядъ замѣчаній, но ученый міръ о нихъ ничего не зналъ. „Издать моихъ замѣчаній“, объясняетъ Мартыновъ Ганкѣ причину своего молчанія, „покаместъ нельзя, — такъ, изъ учтивости къ парижскимъ издателямъ, съ которыми я коротко знакомъ. Да при томъ оно не къ спѣху и всегда придетъ во время. Теперь, я думаю, о Сазавскомъ Евангеліи (sic!) мало кто занимается: всѣ въ восторгѣ отъ Зографскаго Евангелія“.

Мартынова особенно занимала глаголическая часть Реймскаго Евангелія и вообще глаголическая письменность. „Меня такъ рветъ къ глагольщинѣ, что право не понимаю, откуда приходитъ даже такая охота. Ужъ не 1862-й ли годъ повѣваетъ на меня своимъ кирилло-меоводіевскимъ обаяніемъ?“

Поѣздка Мартынова въ Реймсъ и мнѣніе его о Реймскомъ Евангеліи интересовали Ганку, и на его вопросы, „главный пунктъ“ письма его Мартынову, послѣдній отвѣтилъ ему (29-го мая 1859 г.) длиннымъ сообщеніемъ, которое мы приведемъ здѣсь почти цѣликомъ.

„Вы желаете знать мое мнѣніе объ этомъ любопытномъ памятникѣ славянской литературы. Не имѣя подъ рукой ни книги Билярскаго, ни другихъ, писавшихъ объ этомъ подробно, я не могъ провѣрить ихъ возрѣній на эту рукопись и долженъ былъ ограничиться одними палеографическими замѣчаніями. Съ другой стороны, число ошибокъ и вообще *неточность* снимка поразила меня до того, что я не посмѣлъ издать въ свѣтъ „моей поѣздки въ Реймсъ“, изъ уваженія и дружбы къ одному изъ издателей Реймскаго снимка. Теперь, впрочемъ, всѣ уже знаютъ, кажется, что снимокъ этотъ очень не исправенъ, и потому ничто не мѣшаетъ искреннему изложенію находящихся въ немъ ошибокъ, или даже и новому изданію.

Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, не издать, напримѣръ, глагольскую часть глагольскими письменами, какія есть у Гаазе, и которыми Бер-

чичь ¹⁾ напечатала свою хрестоматию? Тутъ можно бы было прибавить выписки изъ здѣшней глагольской рукописи XIV вѣка, хранящейся въ Публичной библиотекѣ.

Но обратимся къ вашему вопросу о monkъ замѣчаніяхъ. Сообщаю вамъ все, что поразило меня при сличеніи снимка съ рукописью и что можетъ назваться *visu perperita*. О порядкѣ и глубинѣ не беспокойтесь, — ихъ нѣтъ, исключая развѣ то, что сперва будетъ рѣчь о кирилловской части.

Прежде всего надо замѣтить, что ошибки въ снимкѣ двоякаго рода: старыя и новыя; первыя — принадлежать писавшему, и ихъ немало; вторыя — французскому каллиграфу. Самая обыкновенная состоитъ какъ вы пишете, въ смѣшеніи буквъ а и ѡ. Такихъ ошибокъ бездна. Возьмите, напримѣръ, стр. 4, гдѣ она повторяется три или четыре раза. Тамъ же, кромѣ того, пишется: нечистыхъ, оученикъ, нымѣ, тогда какъ въ рукописи буквы ѡ ни тутъ ни въ другомъ мѣстѣ не имѣютъ союзной черточки, а только одну точку въ серединѣ. Въ вашемъ изданіи вы *потрафили* рукописное начертаніе. Буква **†** встрѣчается довольно часто, но только, если не ошибаюсь, въ словѣ *псать* и сложныхъ съ нимъ (стр. 8, три раза; стр. 10, 13 [lin. 10 и 20], 24 [l. 7 и 17], 25, 28 [l. 4], 31 [l. 1] и т. д.), да и то не исключительно (на стр. 9: *написатися* съ Марьею ²⁾). Объ этой Марьѣ рѣчь будетъ послѣ.

Буква Ѡ въ началѣ словъ вообще, въ предлогѣ о, объ, отъ и сложныхъ съ ними, а кромѣ того, въ именахъ собственныхъ, гдѣ бы надо было поставить омегу (ноанъ, монсеовъ, носифъ, виолеомъ и т. д. Очи, само собой разумѣется съ этимъ зрачкомъ, какъ водится, равно какъ и осмъ, егонъ, они, етаи и т. д. Даже *фертъ* — съ точкою, иногда въ одномъ боку (стр. 14, l. ult.), иногда въ обоихъ (стр. 15, l. 14). Наконецъ, *черръ* въ рукописи имѣетъ форму не угловидную, а скорѣе — полулунную; юсъ же иногда рогатый: **Ж** (стр. 3, l. result.). О смѣшеніи его съ буквою а сказано выше; иностранцу избѣжать онаго было невозможно.

Эти мелочи, вѣрно, уже безвременны, но вспомните, что Биляр-

¹⁾ *Chrestomathia linguae veteroslovenicae caractere glagolitico e codicibus, codicum fragmentis et libris impressis. Edita a Praeb. Ioanne Berčić. Pragae (Litteris filiorum V. Naase), 1859.*

²⁾ Рукою В. Ганки на полѣ сдѣлана приписка: *infinitiv*.

скаго я не знаю. Зато мнѣ извѣстна брошюра Паплонскаго, который, сколько помнится, также приписываетъ кирилловской части происхождение русское, а не чешское, по крайней мѣрѣ, путемъ отрицательнымъ, опровергая исключительно чешскій характеръ начертанія ѷати и т. п. Что касается до меня, то мнѣ кажется, нельзя отвергать элемента чисто русскаго, примѣшавшагося къ другимъ и свидѣтельствующаго о томъ, что рукопись прошла и черезъ руки русскаго человѣка. Не поразительны ли, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія выраженія: *придоша послушати* ¹⁾ (р. 4, л. 8), *придоша поклонитися* (р. 13, л. 1), *креститися* (21, 33), *чесо видѣтъ изыдосте* (р. 31) — два раза, а вообще нерѣдкое употребленіе сокращенной формы неокончательнаго ²⁾ наклоненія. Написатися съ *Маргю* (р. 9, л. 5, р. 14, л. 2), той есть *Иля* хотя *прити* (р. 31), *Іану Захарину сыну* (р. 20), *Аврамъ* (р. 21). *Ердань*. Ерданская страна (*passim*), мужская *полу* (р. 28), нынѣ *пуцаеши* рабъ твой, дѣла *Іс Христова*, особенно же замѣчательна субота *пятикостная*, которой можно противопоставить развѣ *сухоморное* древо (*зусомога*) глагольской части! Все это какъ-то отзывается русскимъ духомъ. Но что первоначальный изводъ былъ нерусскій, въ этомъ, по моему мнѣнію, сомнѣваться нельзя. Стоять только вспомнить вовсе нерусскую наружность *Іана*, встрѣчающагося такъ часто въ рукописи, пожалуй—и *юсогъ*, несмотря на привязанность къ нимъ нѣкоторыхъ русскихъ писателей, и, что довольно странно,—употребленіе черточки (то-есть, глагольскаго ера, l) въ словѣ *Божій*. Оно два раза пишется такъ *бѣжин* (р. 21, л. 3 и р. 23), совершенно, какъ глагольское **Ш | ѿ Ѵ 8**. При болѣе тщатель-

номъ разборѣ нашлись бы, можетъ быть, и другіе слѣды глагольскаго извода. По моему эта часть Евангелія позднѣе XI вѣка.

Перехожу къ глагольской части. О времени ея никто не сомнѣвается. Она носитъ на себѣ всѣ признаки и особенности своихъ сродницъ XI вѣка ³⁾. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: употребленіе *а* вмѣсто *е* (запечатланая, тамная); *а* вмѣсто *э*: *иза* воскрешенія, *плотаскій* (р. 47), *жизань*; вмѣсто *о* въ словахъ: *са мною*, *саблазнъ*, *санмище*, *стагни*, *четвертакъ* (четвергъ), *на*—вмѣсто: *но* или *нѣ*, *сасудъ*. И наоборотъ—употребленіе буквы *о* вмѣсто *а*: *не родниши* ли, *сотона* ис-

¹⁾ Примѣчаніе Ганки: *supinum*.

²⁾ Примѣчаніе Ганки на полѣ: *достигательнаго*.

³⁾ Рукой Ганки примѣчаніе: XIV.

конный (р. 33); или вмѣсто *e*: олей, още (еще). Также буквы *e* вмѣсто *a*: чести (части). Объ этихъ признакахъ, кажется, Лавровскій писалъ обстоятельно. Замѣчательны два разряда словъ—*латинистуюющія* и *стародавнія*, или собственно глагольскія, то-есть, свойственныя болѣе рукописямъ глагольскаго извода. Къ первымъ относятся слѣдующія выраженія: *аллужна* (р. 26), *чипресъ* (р. 27, кипарисъ), *ароматизае* (*aromatizans*), *имбресъ* (р. 31, въ службѣ св. Вячеслава), *наслѣдованіе* (*sequentia*), *корона*, *Гавріель*, и *до ва ѡжъ ѡжа* (*at usque in saeculum saeculi*), *матутина*, *миса*, *докторъ* (то-есть, учитель Ц., св. Иеронимъ) и т. п. Всѣ новѣйшія глаголическія рукописи изобилуютъ такими *цветущими розами* латинской письменности.

Эти цвѣтущія *розы* (р. 36) напоминаютъ мнѣ, во-первыхъ, выраженіе кирилловской части: иж него (вмѣсто изъ него, р. 4, л. 14), во-вторыхъ, пиники и пиницы (*palmae*, р. 27 и 39).

Ко второму разряду принадлежатъ слова и формы въ родѣ слѣдующихъ: *единочедый* (р. 47), *неплоды* (р. 60), *лачуше* вмѣсто: *алчуще* (р. 39) и т. д., и усѣченныя глагольныя окончанія ¹⁾, какъ то: *веду* (*ведоша*), *иду* (р. 53, *legunt*), *придомъ* (*venimus*, р. 53), *обрѣту* (*ibid.*); *ки* вмѣсто *кои*, *ѡхъ* вмѣсто *охрестъ*, *окургъ*; *хрестъ* вмѣсто *крестъ*. Объ ошибкахъ парижскаго снимка излишне и говорить: ихъ множество!

Наконецъ, нельзя не замѣтить слѣдующихъ словъ или ихъ значенія: *виноградъ* (вмѣсто *vinea*), *лопата* (то-есть, *ventilabrum*), *прерочный* (*perjugus*) и *прерочный*—*прекословный* (*contradictorius*), знаменіе *прерочно* и *прѣки глаголемо* (р. 29), *коупно* (*primo*), *мужъ честивъ* (р. 28), ему же *волитъ* сынъ открыти (р. 26), *обитель* (то-есть, гостиница), *юлубличище* (какъ въ Остр.: *горлячище*) и т. д., почти всѣ они стоятъ и въ Остромировомъ Евангеліи.

„Вотъ вамъ... кои-какія замѣтки о вашемъ любимомъ памятникѣ“, заключалъ Мартыновъ свое ученое сообщеніе, „но подробное и научное изложеніе Реймскаго текста было бы умѣстно при новомъ исправленномъ изданіи онаго. Когда оно состоится, тогда Реймское Евангеліе можно будетъ сдать въ филологическіе архивы“. Мартыновъ, повидному, готовился приступить къ такому „исправленному“ изданію; по крайней мѣрѣ въ сентябрѣ того же 1859 г. онъ писалъ Ганкѣ: „Мнѣ бы желалось издать для здѣшней публики Реймское Евангеліе съ словаремъ, краткою грамматикою, нѣсколько поисправ-

¹⁾ Рукѣй Ганки приписка: *aoristy*.

нѣе Сильвестра". Но желаніе его не было имъ приведено въ исполненіе.

Настоящее изданіе проф. Леже освобождаетъ всякаго желающаго заняться Реймской рукописью отъ необходимости паломничества къ далекому оригиналу.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще нѣсколько извѣстныхъ намъ статей, касающихся Реймскаго Евангелія и не указанныхъ въ библиографическомъ указателѣ проф. Леже:

1. Kniha od svatého Prokora psaná čili Slovanské Evangelium v Remesí. Od J. Fr. Šumavského. Въ ж. Vlastimil, 1840, I, str. 201 (съ двумя снимками).
2. Статя Ганки о Реймскомъ Евангелии (изъ С. С. М. 1839) переведена была на русскій языкъ редакторомъ варшавской „Денницы“ П. П. Дубровскимъ и напечатана въ „Литературной Газетѣ“, 1840 г. См. „Денница“, 1842, 302.
3. Д. Зубрицкій помѣстилъ „Wiadomość o Rejmskiej i Ostromirowskiej Ewangelii“, въ ж. Rozmaitości (Lwowskie), 1845, № 13.
4. Jodl Kralupský J. въ книгѣ: „Děje-, narodo- a mluvopisný obzor československý“ (Прага, 1866) посвятилъ Р. Ев. отдѣльную главу (IV-ую), заимствовавъ содержаніе цѣликомъ изъ изданія Ганки.
5. Въ статьѣ „O některých zajímavých památkách staročeského písemnictví“, Фр. Вилы говорятъ и о судьбахъ Р. Ев. (Časopis Matice Moravské, 1897, XXI, str. 97—101).

Вл. Францевъ.